12. Otchet pravlenija Caricynskogo otdela Vserossijskoj ligi bor'by s tuberkulezom za 1911–1914 gg. Caricyn: Tip. obshhestva trezvosti, 1914.

13. Ocherki istorii Saratovskogo Povolzh'ja (1855–1894). T. 2. Ch. 1 / pod red. I.V. Poroha. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1995.

14. Pamjatnaja knizhka Saratovskoj gubernii na 1864 god. Sostavlena Saratovskim gubernskim Statisticheskim komitetom. Saratov, 1864. Ch. II.

15. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 goda /pod red. N.A. Trojnickogo. Spb., 1905.

16. Petrov A.V., Kicenko O.S. Zemskoe zakonodatel'stvo i problemy zemskoj obshhestvennoj mediciny v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala HH vv. // Vestnik Volgogr. gos. med. un-ta. 2014. № 1. S. 54–58.

17. Prohorov B.B. Organizacija zdravoohranenija v Rossii v XX veke // Rossija v okruzhajushhem mire. M.: MNJePU, 2001.

18. Ryblova M.A., Rvacheva O. Sistemy kazach'ego upravlenija na territorii vojska Donskogo (XVIII–XX vv.) // Vlast'. 2009. № 4. S. 136–139.

19. Sukacheva O.A. Sanitarnyj kordon: stranicy istorii sanitarno-protivojepidemicheskoj sluzhby Caricyna–Stalingrada–Volgograda. Volgograd, 2009.

20. Caricyn v putevyh zapiskah, dnevnikah i memuarah sovremennikov (konec XVI v. – 1917 g.) / pod red. M.M. Zagorul'ko. Volgograd, 2005.

21. Caricynskij i Kamyshinskij uezdy v opisanijah kraevedov (1727–1928 gg.) / pod red. M.M. Zagorul'ko, I.O. Tjumenceva. Volgograd, 2010.

22. Caricynskij vestnik. 1910. 10 avg.

Development of the sanitary and prevention work in Tsaritsyn by the example of fight against infectious diseases in the end of the XIX – beginning of the XX century

There is described the role of the sanitary and prevention direction in the medical culture of the provincial Tsaritsyn in the end of the XIX – beginning of the XX century, emphasized the special influence of the social and economic conditions of Tsaritsyn on the ecological and epidemiological situation in the city. One of the reasons for the quick spreading of infectious diseases among the people in Tsaritsyn is the extremely low cultural level of its citizens. There are covered the forms and methods of prevention of infectious diseases in Tsaritsyn at the turn of the XIX-XX centuries.

Key words: *medical culture, provincial town, infectious disease, hygiene, treatment and prevention work.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

В.В. ВИНОГРАДОВ
(Волгоград)

ИМПЕРАТОР И СОВЕТ МИНИСТРОВ ПО ОСНОВНЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗАКОНАМ ОТ 23 АПРЕЛЯ 1906 г.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассмотрены правовой статус и основные полномочия Императора и Совета министров, а также их взаимодействие по Основным государственным законам от 23 апреля 1906 г. Сделан вывод о том, что в начале XX в. в России устанавливалась конституционная дуалистическая монархия.

Ключевые слова: *исполнительная власть, Основные государственные законы 1906 г., император, Совет министров.*

Конституционализм в России оформлялся через принятие целого ряда правовых актов. В них комплексно закреплялись общий строй государства; система государственной власти; основы правового положения всех категорий подданных (а не как ранее – отдельных групп населения).

Идея конституции в России была воплощена в форме Основных государственных законов. Они официально конституцией не именовались, но фактически выступали таковой. Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. [1], явившиеся актом правотворчества российского монарха, закрепляли государственное устройство Российской империи, ее государственный язык, существо верховной власти, права и обязанности российских подданных, порядок законодательства, принципы организации и деятельности центральных государственных органов – Государственного совета и Государственной думы, Совета министров и министерств. Положения данных законов были систематизированы в Своде основных государственных законов (редакция 1906 г.) [2], являвшемся частью Свода законов Российской империи наряду с законами специальными (посвящены отдельным отраслям управления).

Согласно ст. 10 Основных государственных законов 1906 г. [1], исполнительная власть в полной мере принадлежала исключительно императору, чья власть перестала носить абсолютный характер, за исключением

© Виноградов В.В., 2015

немногих случаев. Поскольку император не мог отменять или изменять законы без участия Государственной думы и Государственного совета, то это означало, что исполнительная власть его стала ограниченной законами, которые существовали независимо от его воли [23, с. 453].

Существо власти императора определялось в ст. 4 Основных государственных законов 1906 г.: «Императору всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». Он утверждает законы, без чего они не могут вступить в силу (ст. 9). Ему принадлежит власть управления во всем объеме (ст. 10). Он также является верховным руководителем внешних сношений России, объявляет войну и заключает мир, а также международные договоры (ст. 12–13).

Император сохранял право осуществлять верховное начальствование над всеми вооруженными силами страны, определять их устройство, издавать указы и повеления относительно «всего вообще относящегося до устройства вооруженных сил и обороны» (ст. 14), объявлять местности на военном или исключительном положении (ст. 15), назначать и увольнять Председателя Совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями (ст. 17). Он имел право роспуска Государственной думы до истечения пятилетнего срока полномочий ее членов, назначая одновременно новые выборы и время ее созыва (ст. 105). Царь мог жаловать титулы, ордена и другие государственные отличия, а также права состояния (ст. 19), имел право помилования осужденных (ст. 23). От его имени вершилось правосудие (ст. 22). Императору принадлежало руководство финансами (ст. 16) и т.д.

В контексте осуществления управления Основные государственные законы в редакции 1906 г. [2] исходят из старого деления – на верховное и подчиненное управление (ст. 10). При этом к сфере верховного управления теперь относилось то, что входит в непосредственную личную деятельность императора и не ограничено совместными действиями с Государственным советом и Государственной думой. Подчиненное управление, как и прежде, понималось как «определенная степень власти», вверенная императором «согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим Его Именем и по Его повелениям».

В порядке верховного управления император «издает, в соответствии с законами, указы для устройства и проведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов» (ст. 11). Здесь речь идет о подзаконных актах, которые являлись проявлением административной деятельности. Помимо этого, в рамках своей компетенции (ст. 14, 18) император издавал акты уровня законов, что являлось определенным отступлением от конституционных принципов, но при этом наглядно показывало переходное состояние государственного строя России.

Одним из существенных проявлений ограничения демократических преобразований служило предоставление императору права на объявление местностей на военном или исключительном положении (ст. 15). При этом введение исключительного положения не требовало последующего одобрения Государственного совета и Государственной думы.

В ст. 7 говорится, что император «осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой», а ст. 86 гласит: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и восприять силу без утверждения Государя Императора». И далее в ст. 94: «Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона». Из этого следует, что и Государственный совет, и Государственная дума вместе с императором обладали законодательной властью, что, несомненно, ограничивало власть царя в законодательной сфере, поскольку раньше он мог указом отменить действие любого закона (ст. 70) [8].

По мнению Е.А. Скрипилева, это положение ослаблялось или даже сводилось на нет [16, с. 219] ст. 87: «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главноуправлящим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение пер-

вых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет».

Вызывают интерес финансовые прерогативы императора. В целом они существенно урезаны, поскольку почти полностью бюджет принимался Государственным советом и Государственной думой. Однако был четко определен минимум ассигнований, который выделялся императору, его двору. Еще до издания Основных государственных законов в новой редакции были изданы специальные правила рассмотрения государственного бюджета Государственным советом и Государственной думой [4]. Согласно ст. 5 этих правил, включенные в проект росписи кредиты «на расходы собственной его императорского величества канцелярии и канцелярии его императорского величества по принятию прошений» и «на расходы, не предусмотренные сметами, на экстренные в течение года надобности», подлежали обсуждению лишь в той части, в которой запрашиваемые кредиты превышали лимит «назначений высочайше утвержденной 29 декабря 1905 г. росписи» на 1906 г. То же требование зафиксировано и в отношении расходов Министерства Императорского двора (ст. 4). Таким образом, император был финансово застрахован от возможных проблем во взаимоотношениях с Государственной думой.

Кроме государственных средств, император полноправно распоряжался: имуществом, составлявшим «личную его собственность; имуществом, именуемым государевым, которое не может быть завещано, разделено или подлежать иному виду отчуждения; имуществом удельным и т.д. Широко практиковалось использование этой собственности для удовлетворения расходов императора. В Российской империи в начале XX в., таким образом, произошло размежевание между государственным имуществом и имуществом короны. Содержание же за счет государственной казны императора и его многочисленной семьи не было в полной мере обязанностью представительного органа.

Именование власти императора «верховной» в новых условиях приобретало новое понимание. В связи с тем, что любые акты исполнительной власти, включая и текущие указы императора, могли быть изменены или отменены законом, выше власти монарха ставилась законодательная власть, осуществляемая теперь не только императором, но и Государственным советом и Государственной думой. Необходимо подчеркнуть, что теперь термин «верховная власть» означает не «власть, которая сама выше других», а «власть закона» [22, с. 123].

Сохранение же титула императора «Божиею милостию» (ст. 59–60), носящего теократический характер, по мнению Ф.Ф. Кокошкина, в условиях ограниченной монархии означает независимость монархической власти от народа [18, с. 9–17]. В связи с этим и именование «Особы Государя Императора» «священной» (ст. 5) не имело уже сакрального характера, а употреблялось по традиции и служило скорее для усиления значения неприкосновенности императора.

Неприкосновенность «Особы Государя Императора» имела две стороны. Во-первых, он не перед кем не нес ответственности, а во-вторых, предусматривалась усиленная уголовная ответственность за все преступления против императора.

Безответственность императора распространялась исключительно на уголовные дела. Что же касается гражданских дел, то иски могли быть предъявлены не ему лично, а какому-либо учреждению министерства императорского двора, что законодательно допускалось и раньше.

Безответственность монарха как главы государства получила широкое распространение и конституционное закрепление в других странах. Но в Российской империи она дополнялась безответственностью чиновников, если они действовали согласно воле императора. Данное положение перекочевало из XIX в. и наносило серьезный ущерб законности в стране.

В своем втором аспекте неприкосновенность «Особы Государя Императора» достаточно полно раскрывалась в уголовном законодательстве. Усиленная уголовная защита распространялась не только на государя, но и на его семью. Частично введенное в действие Уголовное уложение 1903 г. в ст. 99–107 раскрывало содержание понятия неприкосновенности монарха, перечисляло составы преступления и устанавливало меру ответственности – смертную казнь. Она предусматривалась не только за оконченное преступление, но и за покушение или приготовление к его совершению [7].

В Основных государственных законах из определения существа власти императора исчезает указание на ее неограниченность: «Императору всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть. Повиновать-

ся власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает» (ст. 4). При этом в ст. 222 «Учреждения о Императорской Фамилии» употребляется следующая формулировка: «Царствующий Император, яко неограниченный Самодержец, во всяком противном случае имеет власть отрешать неповинующегося от назначенных в сем законе прав и поступать с ним яко преслушным воле Монаршей». Здесь надо иметь в виду, что данная статья содержится в шестой главе «Учреждения о Императорской Фамилии», которая называется «О обязанностях членов Императорского дома к Императору» и, следовательно, относится к членам императорской фамилии, а не ко всему населению страны. Таким образом, Основные государственные законы в редакции 1906 г. проводят четкую грань между общегосударственной и фамильно-династической властью императора [21, с. 148–149]. Тем не менее все же следует признать сохранение упоминания о неограниченности власти императора нежелательным. Фактически уже Манифест от 17 октября 1905 г. [6] заключал в себе добровольный акт отречения монарха от своих неограниченных прав.

Сохраняется упоминание о власти императора как о власти «самодержавной». Это нашло отражение в именовании первой главы Основных государственных законов («О существе Верховной Самодержавной Власти»), а также в ст. 4 и 6 этих законов, в ст. 222 «Учреждения о Императорской Фамилии». Ситуация затруднена тем, что слово «самодержавный» в русском языке традиционно используется как синоним слова «неограниченный». Аналогично эти термины понимались и в Основных законах в старых редакциях. В ст. 1 Свода основных государственных законов 1892 г. сказано, что император есть «Монарх самодержавный и неограниченный». А в ст. 2 говорится, что «та же власть… самодержавная» принадлежит императрице, если престол унаследует «лицо женское». Из этого следует, как считали Н.М. Коркунов [19, с. 213] и Н.И. Лазаревский [22, с. 115], что с точки зрения закона этим двум терминам также придавалось одинаковое значение. Необходимо заметить, что существовали и другие точки зрения по данному вопросу. Например, А.С. Алексеев, А.Д. Градовский, Н.И. Палиенко различали понятия «неограниченный» и «самодержавный» [10, с. 221–224], говоря, что именование власти императора «самодержавной» подчеркивает монархический суверенитет, верховенство его в государственном строе России, в то время как «неограниченная» означает абсолютный суверенитет [15, с. 235].

Известный русский конституционалист Н.И. Лазаревский считал, что сохранение обозначения власти монарха как «самодержавной» уже не означало сохранение ее неограниченности в юридическом смысле [22, с. 115]. Его точка зрения основывается на реальных полномочиях императора, который мог утвердить или не утвердить принятые Государственным советом и Государственной думой законопроекты. Но этим правом император обладал по закону, который уже не вправе был изменить единолично. По мнению ряда авторов, указание на «самодержавную» власть монарха надо понимать как указание «на внешнюю независимость России» [24, с. 291]. Это, по мнению Н.И. Лазаревского, было сделано весьма неудачно [22, с. 116], поскольку к этому времени для обозначения внешней независимости государств стал употребляться термин «суверенное государство». К тому же признание монарха как «носителя нераздельного внешнего суверенитета» неизбежно приводило бы к «признанию его внутренней неограниченности» [21, с. 151].

По мнению С.А. Котляревского, «самодержавной в современном русском государственном праве называется власть, которая служит источником для всякой другой власти в государстве». Императору принадлежала учредительная власть, которая, несомненно, ограничивалась Государственным советом и Государственной думой. Но при этом «никакое преобразование государственного порядка не могло быть законно произведено иначе, как по его почину» [Там же, с. 155–156]. Речь здесь идет о так называемом монархическом принципе, активно разрабатывавшемся в германской юриспруденции, который в определенной степени отождествлялся с понятием «самодержавие», использовавшимся в Основных государственных законах в редакции 1906 г.

При объяснении причин сохранения упоминания о власти монарха как о власти «самодержавной» необходимо учитывать политическую подоплеку, которая всегда присутствует при разработке конституций и находит свое отражение в тексте основного закона страны. Термин «самодержавие» являлся символом старого государственного строя России и ядром политического мировоззрения [14, с. 634]. Подобную ситуацию мы можем наблюдать в Германии 1919 г., когда, несмо-

тря на установление республиканского строя в стране, конституция называет Германию «Империей» («Рейх»). Этот термин активно использовался для обозначения центральной власти во всем документе [9, с. 83–113].

Именно отказ императора от двух важнейших прерогатив – неограниченного законодательного права, а также самостоятельного распоряжения государственным бюджетом – дал основание Е.Д. Черменскому считать Основные государственные законы конституцией [26, с. 23–24]. Такой же вывод поддерживаем и мы.

Произошли изменения в организации исполнительной власти. Еще 19 октября 1905 г. был издан указ императора «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» [5]. По указу учреждалось первое в истории России правительство – Совет министров во главе с С.Ю. Витте. Он был постоянно действующим высшим исполнительно-распорядительным органом, имеющим ряд самостоятельных функций. В состав Совета министров входили министры и главноуправляющие отдельными частями, принадлежащими к общему министерскому устройству [3]. Эти лица, наряду с Председателем Совета министров, назначались императором. На Совет министров возлагались (ст. 120 Основных государственных законов) «направление и объединение действий Министров и Главноуправляющих отдельными частями по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». Единство правительства не обеспечивалось при этом солидарной ответственностью его членов перед парламентом [25, с. 178]. Содержалось положение, говорящее скорее о солидарной ответственности перед монархом: «Председатель Совета Министров, Министры и Главноуправляющие отдельными частями ответствуют пред Государем Императором за общий ход государственного управления» (ст. 123 Основных государственных законов). И далее в той же статье: «Каждый из них в отдельности ответствует за свои действия и распоряжения».

Председательство в Совете министров перестало быть прерогативой императора. Вместе с тем данный пост был снабжен «чрезвычайно широкими полномочиями, необходимыми для руководящего влияния на общий ход государственного управления» [12, с. 402]. Председатель Совета министров, как отмечает Н.Г. Королева, был ближайшим помощником императора «по делам внутренней политики» [20, с. 38]. Он руководил заседаниями Совета министров. Согласно ст. 20 «Учреждения Совета Министров», ему подчинялась канцелярия этого органа. Он также имел право приглашать на заседания правительства лиц с совещательным голосом, не входивших в его состав (ст. 11). В силу сложившегося конституционного обычая председатель правительства представлял императору кандидатов на замещение должностей министров и главноуправляющих отдельными частями, кроме министров военного, морского и императорского двора и уделов [25, с. 175]. Это не было закреплено в законе и в связи с этим могло быть нарушено императором на основании ст. 17 Основных государственных законов, предоставлявшей ему право назначения и увольнения министров. Но практика свидетельствует о другом. Председателю Совета министров сообщались все предназначенные императору доклады министров, что в какой-то степени позволяло ему их контролировать и влиять на содержание, а также ставило его более четко выше министров. Во взаимоотношениях с Государственным советом и Государственной думой Председатель Совета министров в соответствии со ст. 6 «Учреждения Совета Министров» представлял как все правительство в целом, так и мог выступать вместо отдельных министров. При решении вопросов в Совете министров требовалось согласие всех его членов. В случае отсутствия согласия по делам, не получившим единогласной поддержки, «Председатель Совета испрашивает указаний Императорского Величества» [3]. По справедливому замечанию Л.А. Шалланда, эта норма не гармонировала с общим духом закона, стремившегося создать «особое правительство, отдельное от монарха» [27, с. 152].

Совет министров и его члены, несмотря на ряд мнений русских государствоведов, высказанных во многих публикациях [22, с. 416], не обладали правом самостоятельной законодательной инициативы, а действовали только по поручению монарха и были связаны разрешением с его стороны при внесении законопроектов в Государственный совет и Государственную думу. Правительство, а также министры и главноуправляющие отдельными частями (в соответствии со ст. 122 Основных государственных законов) издавали «обязательные постановления, инструкции и распоряжения». Это положение имело две возможности своей реализации. Во-первых, Совет министров (ст. 116) в случае неутверждения го-

сударственной росписи к началу финансового года своими постановлениями открывал «кредиты в размерах действительной потребности, не превышающие, однако, в месяц, во всей их совокупности, одной двенадцатой части общего по росписи итога расходов». Во-вторых, Совет министров своими постановлениями мог открывать кредиты без участия Государственного совета и Государственной думы «на производство неотложного расхода» в случае невозможности решения этого вопроса в законодательном порядке из-за нехватки времени [4].

В последний момент в текст Основных государственных законов включили ст. 24. Согласно ей, распоряжения и декреты императора, изданные им в рамках верховного управления или непосредственно своей личной властью, должны были скрепляться Председателем Совета министров или компетентным по данному вопросу министром (принцип контрассигнатуры). Это необходимо было для защиты престижа монарха, ибо таким образом критика могла быть направлена не на него, а на министра.

Указы императора без подписи соответствующего министра не могли быть изданы и, соответственно, не имели юридической силы, что должно было не только снимать с монарха всякую ответственность за последствия принятого решения, но и ограничивать его в издании подобных правовых актов. По воспоминаниям В.Н. Коковцева, он, будучи Председателем Совета министров, в декабре 1912 г. отказался контрассигновать указ Николая II о назначении командира гусарского полка Воейкова главноуправляющим по делам физического развития населения на том основании, что такого ведомства не существует, а Правительствующий Сенат, скорее всего, отказался бы публиковать данный указ без его подписи [17, с. 118]. Сама возможность отказа в публикации со стороны Сената делала министров более осторожными.

Совет министров не был ответствен перед парламентом, но членам Государственного совета и Государственной думы было предоставлено ограниченное право запроса министрам. На практике они выходили за его рамки и подавали свои запросы по всем интересующим их вопросам. Дума благодаря расширительному толкованию ст. 40 «Учреждения Государственной Думы» использовала право обращаться к министрам за разъяснениями, «непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел», в целях использования этого обращения в качестве запроса, касавшегося зачастую намерений правительства, а не его действий. Сила запроса заключалась не в санкциях, которые не были предусмотрены, а в том, что появилась возможность открыто критиковать действия исполнительной власти. Благодаря прессе эта критика становилась достоянием общественности. Многие министры вынуждены были это учитывать в своей деятельности, хотя для некоторых из них критика со стороны Думы позволяла получить благосклонность императора.

В Основные государственные законы была включена норма, согласно которой при возникновении чрезвычайных обстоятельств правительство имело право в промежутках между сессиями парламента и с одобрения императора издавать указы, которые приравнивались к законам (ст. 87). Однако не позже двух месяцев после начала очередной сессии министр, ответственный за изданный указ, обязан был представить в парламент законопроект, соответствующий указу. Если же этого не происходило или же его отклоняли, указ, изданный во время перерыва парламентской деятельности, считался упраздненным. При этом указы не могли «вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в Учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу».

Статья 87, сообщая об условиях применения чрезвычайно-указного права, не давала четкого представления о том, что следует понимать под временем прекращения занятий Думы. В ст. 99 сказано: «Продолжительность ежегодных занятий Государственного Совета и Государственной Думы ежегодно и сроки перерыва их занятий в течение года определяются указами Государя Императора». Из содержания этих статей сложилось широкое и узкое понимание этого вопроса. Широкого понимания придерживались В.М. Гессен и Б.Э. Нольде. Они считали, что под временем прекращения занятий Думы подразумевается, помимо промежутков между разными сессиями, перерывы занятий в течение сессии [13, с. 1060; 25]. В узком смысле под этим понимались лишь периоды, когда наступали перерывы между сессиями. Практика применения ст. 87 шла по пути ее широкого толкования.

Таким образом, фиксируя исключительные права и все полномочия императора, Основные государственные законы в редакции 1906 г. ограничивали прерогативы монар-

ха во всех важнейших областях деятельности государства – в законодательстве, управлении и судебной деятельности. Было проведено заметное разделение законодательной и исполнительной власти [11, с. 57]. Основные государственные законы способствовали дальнейшему обеспечению независимости судебной власти, т.к. еще в результате судебной реформы 1864 г. была провозглашена несменяемость судей. В начале XX в. в России устанавливалась конституционная дуалистическая монархия.

Список литературы

1. Высочайше утвержденные «Основные государственные законы» от 23 апреля 1906 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906. Отд. 1. № 98. Ст. 603.

2. Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 1. Свод основных государственных законов. Спб., 1906. С. 5–63.

3. Учреждение Совета Министров // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. II. М., 1910.

4. Утвержденные высочайшим указом «Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных» от 8 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. XXVI. № 27505.

5. Именной указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» от 19 октября 1905 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1905. № 192. Ст. 1660.

6. Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. XXV. Отд. 1. № 26803.

7. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: Статьи, введенные в действие. Изд. Н.С. Таганцева. Спб., 1911.

8. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. Спб., 1892. С. 1–40.

9. Конституция Германской империи (11 августа 1919 г.) // Конституции буржуазных стран. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. М.–Л.: Соцгиз, 1935. С. 83–113.

10. Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1897.

11. Виноградов В.В. Модернизация государственно-правовой системы России в начале XX в.: на пути к конституционализму // Модернизация политико-правовой системы России: прошлое, настоящее, будущее (к 140-летию Уставов Судебной реформы): материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Волгоград: ВРО МСЮ, 2004. С. 55–57.

12. Гессен В.М. Основы конституционного права. Изд. 2-е. Пг.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1918.

13. Гессен В.М. Понятие сессии в конституционном праве России // Право. 1911. № 18. С. 1060.

14. Гессен В. Самодержавие и манифест 17 октября // Полярная звезда. 1906. № 9. С. 623–634.

15. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М.: Наука, 1975.

16. История буржуазного конституционализма XIX в. М.: Наука, 1986.

17. Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М.: Наука, 1992.

18. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е. М., 1912. V, 3.

19. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. Спб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909.

20. Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982.

21. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных Законов. М., 1912.

22. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. Изд. 2-е. Спб.: Тип. «Слово», 1910.

23. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М.: Рус. путь – Полиграфресурсы, 1995.

24. Нечаев В.М. Манифест 17-го октября и форма правления // Полярная звезда. 1906. № 4. С. 291–294.

25. Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. Спб.: Правда, 1911.

26. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976.

27. Шалланд Л.А. Русское государственное право. Юрьев: Тип. ун-та, 1908.

* * *

1. Vysochajshe utverzhdennye «Osnovnye gosudarstvennye zakony» ot 23 aprelja 1906 g. // Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva. 1906. Otd. 1. № 98. St. 603.

2. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. I. Ch. 1. Svod osnovnyh gosudarstvennyh zakonov. Spb., 1906. S. 5–63.

3. Uchrezhdenie Soveta Ministrov // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 1. Ch. II. M., 1910.

4. Utverzhdennye vysochajshim ukazom «Pravila o porjadke rassmotrenija gosudarstvennoj rospisi dohodov i rashodov, a ravno o proizvodstve iz kazny rashodov, rospis'ju ne predusmotrennyh» ot 8 marta 1906 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr. 3-e. T. XXVI. № 27505.

5. Imennoj ukaz «O merah k ukrepleniju edinstva v dejatel'nosti ministerstv i glavnyh upravlenij» ot 19 oktjabrja 1905 g. // Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva. 1905. № 192. St. 1660.

6. Vysochajshij manifest «Ob usovershenstvovanii gosudarstvennogo porjadka» ot 17 oktjabrja 1905 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr. 3-e. T. XXV. Otd. 1. № 26803.

7. Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g.: Stat'i, vvedennye v dejstvie. Izd. N.S. Taganceva. Spb., 1911.

8. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 1. Ch. 1. Osnovnye gosudarstvennye zakony. Spb., 1892. S. 1–40.

9. Konstitucija Germanskoj imperii (11 avgusta 1919 g.) // Konstitucii burzhuaznyh stran. T. 1. Velikie derzhavy i zapadnye sosedi SSSR. M.–L.: Socgiz, 1935. S. 83–113.

10. Alekseev A.S. Russkoe gosudarstvennoe pravo. M., 1897.

11. Vinogradov V.V. Modernizacija gosudarstvenno-pravovoj sistemy Rossii v nachale XX v.: na puti k konstitucionalizmu // Modernizacija politiko-pravovoj sistemy Rossii: proshloe, nastojashhee, budushhee (k 140-letiju Ustavov Sudebnoj reformy): materialy Vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf. Volgograd: VRO MSJu, 2004. S. 55–57.

12. Gessen V.M. Osnovy konstitucionnogo prava. Izd. 2-e. Pgr.: Izd. jurid. kn. sklada «Pravo», 1918.

13. Gessen V.M. Ponjatie sessii v konstitucionnom prave Rossii // Pravo. 1911. № 18. S. 1060.

14. Gessen V. Samoderzhavie i manifest 17 oktjabrja // Poljarnaja zvezda. 1906. № 9. S. 623–634.

15. Davidovich A.M. Samoderzhavie v jepohu imperializma (Klassovaja sushhnost' i jevoljucija absoljutizma v Rossii). M.: Nauka, 1975.

16. Istorija burzhuaznogo konstitucionalizma XIX v. M.: Nauka, 1986.

17. Kokovcev V.N. Iz moego proshlogo. Vospominanija 1903–1919 gg. Kn. 2. M.: Nauka, 1992.

18. Kokoshkin F.F. Lekcii po obshhemu gosudarstvennomu pravu. Izd. 2-e. M., 1912. V, 3.

19. Korkunov N.M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. I. Vvedenie i obshhaja chast'. Spb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1909.

20. Koroleva N.G. Pervaja rossijskaja revoljucija i carizm. Sovet ministrov v 1905–1907 gg. M.: Nauka, 1982.

21. Kotljarevskij S.A. Juridicheskie predposylki russkih Osnovnyh Zakonov. M., 1912.

22. Lazarevskij N.I. Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T. 1. Konstitucionnoe pravo. Izd. 2-e. Spb.: Tip. «Slovo», 1910.

23. Leontovich V.V. Istorija liberalizma v Rossii. 1762–1914. M.: Rus. put' – Poligrafresursy, 1995.

24. Nechaev V.M. Manifest 17-go oktjabrja i forma pravlenija // Poljarnaja zvezda. 1906. № 4. S. 291–294.

25. Nol'de B.Je. Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava. Spb.: Pravda, 1911.

26. Chermenskij E.D. IV Gosudarstvennaja duma i sverzhenie carizma v Rossii. M.: Mysl', 1976.

27. Shalland L.A. Russkoe gosudarstvennoe pravo. Jur'ev: Tip. un-ta, 1908.

The Emperor and the Council of Ministers in the basic state laws of the 23 April 1906: historic and law aspect

There is considered the law status and the authority of the Emperor and the Council of Ministers, as well as their cooperation in the Basic state laws of the 23 April 1906. There is made the conclusion that in the beginning of the XX century there was established the constitutive dual monarchy in Russia.

Key words: *executive power, basic state laws of 1906, Emperor, Council of Ministers.*

(Статья поступила в редакцию 10.04.2015)

И.Л. ГАВРИЛЮК
(Волгоград)

ЦЕНЗУРА ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В КОНЦЕ 1920-х – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг. (на примере Нижнего Поволжья)

На основе анализа документов нижневолжских органов цензуры рассматривается механизм государственного контроля над содержанием региональной периодической печати. Показаны характерные материалы печати, не отвечавшие требованиям цензуры.

Ключевые слова: *цензура, периодическая печать, средства массовой информации, Нижнее Поволжье, газеты.*

Цензура в Нижнем Поволжье осуществлялась по технологии, общей для всей советской цензуры 1920–1930-х гг. Печатные издания проходили три этапа цензурного контроля: предварительный, последующий и, в случае пропуска нежелательной информации, – конфискация изданий.

Без разрешительной визы органов цензуры ни одно печатное произведение не могло выйти в свет. Это касалось не только периодической печати и книг, но и всей печатной продукции в целом. Это и различные плакаты, портреты государственных деятелей, открытки, пригласительные билеты и т.д. Даже изготовление значков, жетонов и различных эмблем допускалось только после проверки ор-

© Гаврилюк И.Л., 2015